

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ MEMORABLE DATES

Научная статья | Original paper

9 мая 2025 г., в День 80-летия Великой Победы исполнилось 100 лет со дня рождения Гиты Львовны Выгодской (1925–2010), дочери Льва Семеновича Выготского. Мы бы не узнали наследия Выготского, если бы его не сохранила с любовью для нас Гита Львовна. 20 лет он был под запретом, его книги сжигали, как в известном романе Брэдбери. Но «рукописи не горят», потому что не горят чувства, мысли, поступки. И студентка психологического отделения философского факультета МГУ Гита Выгодская тайком приносила его труды сокурсникам.

Спасенный, сохраненный Выготский — подарок Гиты Львовны всему международному научному и образовательному сообществу (не только науке, но и практике), без всякого преувеличения! Да, многое сделали великие ученики, блистательные ученые школы Выготского. Но чтобы они делали без этого наследия, хранильницей которого до конца своих дней оставалась Г.Л. Выгодская. Без нее, а значит, без Выготского, психология была бы другой. Вся последующая жизнь Выготского в истории, жизнь, которая кипит и поныне во всем мире, была бы невозможной без этого.

Предлагаем вниманию наших читателей текст выступления на IY Международных чтений памяти Л.С. Выготского (Москва, Институт психологии имени Л.С. Выготского РГГУ, ноябрь 2003 г.), ранее опубликованный в журнале «Вестник РГГУ. Серия «Психология»» (2007. № 1).

В.Т. Кудрявцев,
заместитель главного редактора журнала
«Культурно-историческая психология»

On May 9, 2025, during the 80th anniversary of the Great Victory, it will be a one hundred years since the birth of Gita Lvovna Vygodskaya (1925–2010), daughter of Lev Semyonovich Vygotsky. Without Gita Lvovna's dedicated preservation, we might not have known the legacy of Vygotsky. For twenty years, his works were banned; his books were burned, as depicted in the well-known novel by Ray Bradbury. However, "manuscripts do not burn," because feelings, thoughts, and actions are indestructible. Gita Vygodskaya, a student of the Department of Psychology at Moscow State University's Faculty of Philosophy, clandestinely shared his writings with her classmates.

The preserved and safeguarded legacy of Vygotsky represents a significant contribution from Gita Lvovna to the entire international scientific and educational community—both to the field of science and its practical applications—without any exaggeration! While many distinguished students and eminent scholars of Vygotsky's school have made substantial contributions, their achievements would have been inconceivable without this inheritance, of which Gita Lvovna remained the dedicated guardian until the end of her life. Without her, and consequently without Vygotsky himself, the development of psychology would have taken a different course. The entire subsequent history of Vygotsky's life—a history that continues to flourish worldwide—would have been impossible without this invaluable legacy.

We present to our readers the text of the speech delivered at the IY International Readings in Memory of L.S. Vygotsky (Moscow, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, RSUH, November 2003), which was previously published in the journal "Vestnik RSUH. Series 'Psychology'" (2007, No. 1). V.T.

V. T. Kudryavtsev,
Deputy Editor-in-Chief of the journal
"Cultural-Historical Psychology"

Л.С. Выготский: «Экспериментатор должен быть сыщиком, изобретателем, комбинатором, хитрецом, создателем ловушек»

Г.Л. Выгодская

L.S. Vygotsky: "An experimenter must be a detective, an inventor, a constructor, a sly, and a trap-maker"

G.L. Vygotskaya

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

В институте сложилась добрая традиция — каждый год 17 ноября, в день рождения Л.С. Выготского, открывать конференцию, посвященную его памяти и деятельности и отмечать день рождения института. И этот год не стал исключением — 17 ноября были открыты четвертые чтения памяти Л.С. Выготского и была отмечена восьмая годовщина института, носящего его имя.

Нет нужды специально говорить о том, как я рада видеть всех вас здесь и очень благодарна всем вам, кто счел возможным приехать, прилететь, прийти сюда, чтобы вместе почтить память Льва Семеновича и обсудить некоторые аспекты его деятельности. Спасибо вам.

Хочу с радостью отметить, что вот уже третий год вместе с нами в работе конференции участвуют психологи Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, земляки Льва Семеновича. Мы рады их приветствовать здесь.

Организаторы конференции попросили меня рассказать вам о Льве Семеновиче.

Моя судьба так счастливо сложилась, что мне довелось коротко знать почти всех (кроме Л.С. Сахарова) самых близких его учеников и общаться с ними на протяжении долгих лет. Многие из них работали с ним со студенческой скамьи и до самой его смерти. Все они рассказывали мне о нем, писали, выступали с воспоминаниями. Таким образом, я располагаю материалом, в котором отражены их воспоминания, и мне представляется интересным выслушать их и познакомиться с тем, что они воспринимали непосредственно, с теми фактами, которые сохранила их память на протяжении всей их жизни.

Но все мы отлично знаем, что память не всегда бывает вполне надежным свидетелем. В памяти бывают провалы, что-то запечатлевается ярче, что-то менее отчетливо, некоторые события смещаются во времени, и при воспроизведении неизбежны неточности и погрешности. А мне хочется рассказать вам *только правду, исключительно правду.*

Выход есть только один — прислушаться к тому, что говорится в Священном Писании. А там, в Евангелии от Иоанна сказано: «А и в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно». В Евангелии от Матфея — немного по-иному: «...дабы двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово». И в одном из Посланий Святого Апостола Павла мы находим: «При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово».

Я буду рассказывать *только то, исключительно то*, что слышала, по крайней мере, от 2 или 3 человек. Просто при рассказе я ссылаюсь на одного, чтобы не перегружать рассказ именами.

Лев Семенович занимался наукой, он был ученый. Менялись формы этих занятий — это могла быть работа над теоретическими или методологическими вопросами, когда он обдумывал и писал свои труды. Это могла быть экспериментальная работа, когда он сам, своими руками собирал и обрабатывал материал в школе, клинике, лаборатории, наконец, дома. Это могли быть научные беседы с коллегами, учениками, когда обсуждались полученные в экспериментальных исследованиях результаты или текущая работа, планировались будущие исследования. Это могло быть чтение лекций, в которые непременно включался материал, добытый как теоретическим, так и экспериментальным путем. Это могло быть чтение научной литературы... Но всегда, всякий час своей жизни, он думал о науке, служил ей преданно и верно, не беря у нее ни выходных, ни отпуска. Он занимался наукой всегда — и в праздничные дни и во время летних отпусков. Как вспоминают его товарищи, его «редкостная работоспособность граничила с полным забвением дня и ночи, пренебрежением собой и своим здоровьем».

Он занимался наукой в любой обстановке, в любых обстоятельствах. Вот как говорит А.Р. Лурия о создании «Исторического смысла психологического кризиса», послушаем его: «Я не знаю ничего, что отличалось бы такой удивительной ясностью мысли, такой логической красотой как эта работа... Л.С. Выготский написал эту работу в трагической ситуации: он был болен туберкулезом, врачи говорили, что ему осталось 3–4 месяца жизни, его поместили в санаторий... И тут он начал судорожно писать, чтобы оставить после себя какой-то основной труд». А.Р. Лурия называет эту работу «основополагающим трудом будущей советской психологии».

«Если спросить, — вспоминает А.В. Запорожец, — какое качество доминировало у Выготского как ученого, которое производило наибольшее впечатление на окружающих, то можно ответить, что это качество заключалось в чрезвычайно развитой творческой способности, способности к продуктивному синтезу, способности научного созидания. Надо сказать, что это творчество в жизни Выготского не было каким-то чрезвычайным эпизодом, это было в крови, это был постоянный модус его повседневной научной жизни и деятельности. Находясь рядом с ним, я все время находился под впечатлением того, что это огнедыша-

щий горн, который непрерывно выбрасывал новые идеи, новые представления, новые гипотезы, новые оригинальные экспериментальные замыслы».

Надо заметить, что такое творческое видение окружающего было свойственно ему с самого начала его сознательной деятельности.

При решении любой задачи, какой бы сложности она ни была, Лев Семенович никогда не искал легких и проторенных путей, не шел по чьим-то следам. Он всегда старался найти свой путь, фактически часто бывая «первооткрывателем», не боялся идти против сложившихся, устоявшихся мнений большинства, зачастую шел против течения (как отмечает А.Р. Лурия).

Приведу несколько фактов.

1. В своей дипломной работе Л.С. дал оригинальный и своеобразный анализ произведения о Гамлете, отличный от всей многочисленной литературы, посвященной разбору этой классической трагедии. Известный шекспировед А.А. Аникст сказал: «Последние 60 лет своей жизни я занимаюсь Шекспиром. Когда я впервые взял в руки работу Выготского о Гамлете, я понял, что написавший ее 19-летний юноша — гений». Аникст подчеркивал, что работа Л.С. выделяется среди многочисленных произведений тем, что она не повторяет или не уточняет их, а отличается оригинальностью и свежестью суждений, совершенно самостоятельным подходом к рассмотрению и анализу шекспировской трагедии.

2. Впервые психологический мир увидел и услышал Л.С. Выготского 6 января 1924 года в Петрограде на втором психоневрологическом съезде. Лурия многократно писал и рассказывал о его выступлении, но в своей последней лекции о Л.С. он говорил, что его поразила сама манера изложения, убедительность стиля, «...еще большее впечатление произвело на меня содержание доклада, вместо того, чтобы обсуждать какой-либо второстепенный вопрос, как подобало бы молодому человеку..., впервые выступавшему перед столь почетным собранием (а участниками съезда были многие известные ученые, такие как В.М. Бехтерев, Г.И. Россолимо, Н.М. Щелованов, Г.И. Челпанов, А.А. Ухтомский, Г.Г. Шпет, В.А. Вагнер и др.), Выготский выбрал трудную тему — о взаимоотношениях условных рефлексов и сознательного поведения человека». «Доклад был удивительным и по содержанию, и по форме. По содержанию доклад был явно «против течения». Система изложения идей, которую мы тогда слышали от Л.С. Выготского отличалась просто фантастическим блеском, совершенно фантастической ясностью мысли. Этот доклад был удивительным не только по содержанию, но и по форме».

Лев Семенович не боялся идти «против течения» и в других случаях.

3. 15 июля 1924 года Л.С. был назначен заведующим отделом воспитания физически дефективных и умственно отсталых в отделе Социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН). С этого началась его деятельность в области дефектологии. В ноябре 1924 года, чтобы по-новому перестроить всю государственную систему воспитания детей с от-

клонениями в физическом и психическом развитии детей, было решено провести съезд СПОН.

Как вспоминает участник съезда проф. Д.И. Азбукин, главным событием съезда был доклад Выготского «О современном состоянии и задачах в области воспитания физически дефективных и умственно отсталых детей». Этот доклад, вспоминает Д.И. Азбукин, «был громом среди ясного неба», «перевернул всю дефектологию». Сначала выступление Л.С. встретили с недоумением. Но глубокая убежденность его сыграла свою роль, переменяла настроение присутствующих — от недоумения они перешли к тому, что стали слушать его с глубоким интересом и вниманием. С этого съезда они уехали обновленными. Это заседание было огненной линией, проведенной между старой и новой дефектологией.

4. Так было и в 1930 году на Всероссийской конференции глухих в Москве. Вот как об этом вспоминает проф. Р.М. Боскис: «1930 год... большая аудитория, в которой сидят люди, отдавшие немалые годы своей жизни обучению глухонемых, совершенно уверенные в том, что единственным определяющим эффективным обучение глухонемых средством является использование чистого устного метода, не допускающего применения каких бы то ни было средств обучения, кроме устной речи. Многие из сидевших в зале фактически убеждены в этом... И перед этой аудиторией Л.С. читал доклад о полиглоссии. Утверждая положительную роль полиглоссии в развитии нормального ребенка, Л.С. показал, что и в школе глухонемых полиглоссия (использование устной, письменной и мимической речи) может оказаться весьма продуктивной. Аудитория слушала его как зачарованная, не слышно было в зале ни малейшего шороха. Доклад завершился громом аплодисментов. Лица слушателей были освещены каким-то необычайным вдохновением... И в это время председательствующий, известный проф. Д.В. Фельдберг, приступил к заключительному слову. Он начал свое выступление словами: «Товарищи, над вами разорвалась бомба...» В ответ на это аудитория зашумела и Фельдбергу пришлось прекратить свое выступление. Слушатели тянулись к Л.С. Ему было в это время только 33 года, рядом с ним стояли люди, убежденные седидами, пересматривающие свои давние убеждения. Своей ясной мыслью Л.С. сумел их убедить».

Но, говоря о творчестве Выготского, отмечает А.В. Запорожец, «...не нужно представлять дело так, что он увлекался игрой воображения ценой логики. Он был изобретательным экспериментатором и ценил экспериментальные факты. Я помню, как при обсуждении в лаборатории одного исследования кто-то из присутствующих сказал, что это плохое исследование, плохие факты. Выготский резко повернулся и бросил реплику, которая запомнилась мне на всю жизнь. Он сказал: "не бывает плохих фактов, есть плохие теории, которые не соответствуют найденным фактам, и не в состоянии их объяснить"».

Будучи прекрасным экспериментатором, он придавал огромное значение экспериментам, фактам,

полученным в ходе опытов. Так, в одном из писем к А.Р. Лурии он пишет: «Пиши об опытах и ведай их со всей уверенностью в объективном их большом значении и в особом значении для нас». И в другом письме: «Очень многого (подчеркнуто Л.С.) (как бы вслепую не шли опыты) жду от тебя — думать экспериментируя — значит более плодотворно думать, даже ошибаясь. А ты на верном пути».

В письме из больницы Л.С. Сахарову Л.С. советует (а не настаивает — он так и пишет, между нами), с чего начать эксперимент. И в конце он говорит, каким должен быть экспериментатор: «Экспериментатор должен быть сыщиком, изобретателем, комбинатором, хитрецом, создателем ловушек, бесконечно гибким и смелым».

Его ученики называли его талантливым и изобретательным экспериментатором.

Он никогда не навязывал ученикам методики исследования, а лишь указывал направление ее поиска. Сам он иногда повторял методики других авторов (например, Келера, Левина, Штерна), широко внедрял новые. «Многие из этих методик и гипотез, — пишет А.Н. Леонтьев, — блестяще подтвердились и получили дальнейшее развитие в работах современных психологов. Методики, разработанные Выготским, факты, найденные им, считаются классическими. Они вошли как важнейшие составные части в фундамент психологической науки».

Он много и хорошо работал с детьми, знал и понимал их. Кому и судить об этом, как не мне — его постоянной испытуемой. Нам с братом очень нравилось, когда Л.С. привлекал нас к своим опытам.

Хорошо помню: я сижу за столом, рядом с Л.С. или напротив него, а передо мной на столе — экспериментальный материал. Л.С. спокойно и вместе с тем весело предлагает мне различные задания и записывает на маленьких листочках все, что я делаю и говорю при этом. Это он проверяет на мне методику Л.С. Сахарова.

Или вот еще. На полу комнаты выложен лабиринт. Стенки его образуют различные предметы, в том числе и низкие узкие ящики с библиографическими карточками. В центре лабиринта — мандарин, который нам достанется, если мы сумеем «провести» его по лабиринту. Нам очень хочется получить мандарин, и мы очень стараемся. Это Л.С. на нас повторяет опыты Келера. Он делает это так весело, непринужденно, что мы уверены, что это просто такая игра. В случае нашего успеха он радуется ничуть не меньше нас.

Нам было так хорошо с ним в это время, что мы оба — и брат, и я сохранили память об этих днях на всю свою жизнь. Много лет спустя в своих письмах с фронта Леонид писал мне, что вспоминает об этих часах как о самых счастливых в его жизни.

Но Л.С. делал предметом научного анализа не только специально проведенные с нами эксперименты, но и наблюдения за нашим поведением, наши спонтанные высказывания. Заметки с отдельными записями такого рода содержались в его записных книжках.

Если же ему хотелось что-то уточнить или проверить, он создавал специальные ситуации, задавал специально поставленные «хитрые» вопросы. Моя

сестра очень не любила, когда он, как она тогда говорила, «приставал» к ней с вопросами разного рода. Однажды даже в ответ на какой-то его вопрос она заявила: «Вот мама никогда не задает таких глупых вопросов, она сама все знает».

Как-то несколько дней кряду лил дождь. Когда к вечеру он наконец утих, нас повели гулять. Мы шли по набережной, и почему-то именно в этот вечер мое внимание привлек мост, он вдруг поразил меня. Он показался чем-то незыблемым, вечным, река же под ним виделась просто беспомощной. Я была поражена увиденным, и мне хотелось поскорее поделиться своими переживаниями с отцом. Когда мы вернулись с прогулки, он был уже дома и пил чай в бабушкиной комнате. Очень возбужденная, я влетела в комнату и выпалила: «Папа, а я знаю, откуда реки берутся!». Все примолкли, ожидая моего сообщения, и я сказала: «их роют возле мостов!».

Л.С. весело отреагировал на мое открытие. А много лет спустя, уже взрослой, я нашла эти свои слова в одной из его работ. Им предшествовала такая фраза: «Одна, наблюдаемая мною девочка сказала...». Я-то хорошо знала, что это была за девочка.

Многие работы Л.С. рождались из его предварительных записей, которые он делал и во время обследования детей или взрослых, и во время экспериментов, и, конечно, во время чтения огромного количества литературы.

Он превосходно знал литературу — и отечественную, и зарубежную. Его ученики называли его «талантливым читателем». Читая, он делал записи на малюсеньких листках бумаги или отмечал какие-то места в самой книге. Анализируемые им источники говорят об огромном объеме прочитанного.

Запорожец говорил, что Л.С. умел *вычитать* даже больше, чем было у автора, что даже из вполне заурядной книги он умел извлечь что-то, что заслуживало внимания, что давало ему повод к размышлениям.

«Большой творческий порыв Выготский сочетал с критическим мышлением. Он критически всегда относился к собственным достижениям... а также критиковал работы других исследователей... Но наряду с... беспощадностью в критике Выготский мог улавливать все положительное, что есть в работе даже, казалось бы, не очень хорошей <...> Выготский... мог видеть в шлаке что-то ценное, нужное...». «Вот анекдотический случай: Выготский приходит в лабораторию в приподнятом настроении и говорит, что он прочитал книгу, которая имеет много интересных фактов, хотя она не лишена некоторых недостатков, что в этой книге есть идея развития, что развитие есть само фактор, что в нем есть логика самодвижения.

Что это за книга?

Это книга Гезелла «Умственное развитие».

Мы читали эту книгу и пришли в полное изумление — мы ничего такого, что говорил Выготский, там не нашли. Мы сидели и читали потом эту книгу целый день, и где-то в 4-й главе нашли несколько фраз, которые отдаленно напоминали о том, что говорил Выготский. Мы были удивлены, как мог Выготский в банальном Гезелле усмотреть такие нужные мысли».

Очень важным для Л.С. было знание научной литературы — и отечественной, и зарубежной. Здесь большую роль играло знание им иностранных языков.

Когда издавали 6-томник, редактор его С.Д. Крекова многократно жаловалась мне на небрежность Л.С. при работе с иностранными цитатами: «...то меняет порядок слов, то заменяет слово близким по значению, синонимом». Наконец, я не выдержала и сказала ей: «А с чем ему было сверять? В те годы многих этих книг, переведенных на русский язык, просто не существовало и все переводы он делал самостоятельно — он просто читал оригиналы, а места, которые хотел цитировать переводил на русский».

— Сколько же языков он знал? — удивилась она.

В анкете его рукой написано —четыре.

Кое-что я помню и могу добавить:

1. Когда приезжал в Москву К. Левин, он бывал у нас несколько раз и, хорошо помню, всякий раз они говорили только по-немецки.

2. В 1933 году к нему приехала учиться дама из Америки (мисс Лайлин), и, как это ни покажется диким, сначала ее поселили у нас (она прожила у нас несколько месяцев). У них была договоренность — *она говорила только по-русски, а Л.С. только по-английски*.

3. Выступая на заседании, посвященном Л.С. Выготскому проф. А.А. Смирнов вспоминал: «Нужно сказать, что Л.С. был... мастером переводов. Я помню, как в этой аудитории он поразил всех тогда, когда, если память мне не изменяет, Коффка делал доклад, а Л.С. литературным языком абсолютно точно перевел все то, что говорил Коффка».

Нет, не подвела память Анатолия Александровича Смирнова. Рене ван дер Веер (из Лейдена) прислал мне копию письма Коффки, написанного им из Москвы, в котором он рассказывает о своем докладе.

Привожу это письмо с сокращением: «Вчера вечером было самое длинное из всех представлений — моя лекция в Государственном Институте Психологии... в зале собралось более 300 человек... большинство из присутствующих понимало по-немецки, но поскольку некоторые не понимали, проф. Выготский (русский психолог, создатель теории формирования понятий), необыкновенно обаятельный человек, выступил в качестве переводчика. Я говорил в течение приблизительно 5–10 минут, а затем он очень легко и свободно, как только можно себе представить, делал перевод сказанного. Он говорил гораздо более свободно, чем я и, мне казалось, что гораздо дольше».